

К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ И. С. ТУРГЕНЕВА

УДК 821.161.1–31(Тургенев И. С.)
ББК Ш33(Рос=Рус)522–8,444

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.01

И. А. Беляева

Москва, Россия

«ОТЦЫ И ДЕТИ» И. С. ТУРГЕНЕВА: РОМАН О «ВЕЧНОМ ПРИМИРЕНИИ»

Аннотация. В статье предлагается один из вариантов прочтения самого известного романа Тургенева в свете смыслового кода, который задан самим писателем и зафиксирован в последних строках произведения. Это цитата из заупокойного песнопения «Со святыми упокой», где есть слова о «вечном примирении». «Вечное примирение» рассматривается в статье не только как явная примета диалектики жизни, предполагающей ее спокойное и равнодушное ко всему человеческому течение, но и как проявление живого и сердечного участия людей друг в друге, обусловленное их Богоприродностью. Показано, как в романе реализуется художественный принцип: ситуация *не встречи* (расхождения) сменяется *встречей* (соединением), в том числе на композиционном уровне. По принципу *встречи* и *не встречи* организована система отношений всех *отцов и детей*, тем более что в роли первых могут выступать как реальные родители, так и те персонажи, которые самостоятельно возлагают на себя такую функцию-ответственность, или же чье «отцовство» или «сыновство» есть знак принадлежности к разным поколениям или мировоззрениям. В статье выявляется, что диалектика жизненных противоречий синтезируется, или *примиряется* любовью, а в ее основе лежит отеческая — в широком смысле этого слова — забота, попечение о детях, молитва за них и благословление, невзирая на то, плохи они или хороши. Доказывается, что непреходящее значение романа «Отцы и дети» и его актуальность обусловлены художественным открытием Тургенева, ключевой смысл которого заключался в обнаружении единства и связей в том, что, казалось бы, разъединено и расколото безвозвратно.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; анализ художественного произведения; литературное творчество; реминисценция.

I. A. Belyaeva

Moscow, Russia

TURGENEV'S «FATHERS AND SONS»: A NOVEL ABOUT «ETERNAL RECONCILIATION»

Abstract. The article proposes one of the options for reading the most famous novel by Turgenev in the light of the semantic code, which is set by the writer himself and is fixed in the last lines of the work. This is a quote from the funeral hymn «With the Holy Rest in Peace», where there are words about «eternal reconciliation». The «eternal reconciliation» is considered in the article not only as an obvious sign of the dialectic of life, suggesting its calm and indifferent current to all human, but also as a manifestation of the living and cordial participation of people in each other, conditioned by their God-nature. It is shown how the artistic principle is realized in the novel: the situation of *no meeting* (divergence) is replaced by *a meeting* (connection), including at the compositional level. On the principle of *meeting* and *not meeting* the system of relations between all fathers and children is organized, the more so that in the role of the first can be both real parents and those characters who independently assume such a responsibility function, or whose «fatherhood» or «sonship» is a sign of belonging to different generations or worldviews. The article reveals that the dialectic of life's contradictions is synthesized, or *reconciled* by love, and it is based on the fatherly — in the broadest sense of the word — care, custody of children, prayer for them and blessing, regardless of whether they are good or bad. It is proved that the lasting value of the novel «Fathers and Sons» and its relevance are due to Turgenev's artistic discovery, the key meaning of which was the discovery of unity and ties in what seemed to be disconnected and split irrevocably.

Keywords: Russian literature; Russian writers; literature analysis; creative writing; reminiscence.

Многие тексты И. С. Тургенева отличает одна черта, которая пока еще не была отмечена учеными как особенная закономерность тургеневских концовок. В финале романов и повестей, как правило, звучит важная фраза, на которой читатель должен задержаться, осмыслить ее, а потом, вероятно, и «перепрочитать» произведение ввиду обдуманного. В качестве такой ударной концовки Тургенев нередко выбирает цитаты, иногда явные, иногда скрытые, даже порой с трудом узнаваемые, из известных книг. Это может быть, например, «Божественная Комедия» Данте, как в случае с романом «Дворянское гнездо», на что справедливо обратила внимание Т. Б. Трофимова [Трофимова 2004 (1); Трофимова 2004 (2)], или Библия, к которой восходят слова о «бесприютных скитальцах» в романе «Рудин» (до доработки эпилога, где представлен герой на баррикадах Парижа), или цитата из «Евгения Онегина», как в «Дыме» и др. В романе «Отцы и дети»

заключительные слова «о вечном примирении и о жизни бесконечной» [Тургенев 1981 (2): 188], как установили комментаторы к ПССиП (2), восходят к заупокойному песнопению «Со святыми упокой...» [см.: Тургенев 1981 (2): 469]. Прочтение «Отцов и детей» — этого самого известного романа Тургенева — в предложенной самим Тургеневым системе координат представляется нам как нельзя насущным и актуальным в настоящее время и может разворачиваться как на уровне духовно-религиозном, так и на социальном и общечеловеческом, не предполагая между ними непреходимых границ.

Современному читателю романа Тургенева приходится сталкиваться с прочными стереотипами, которые сложились к настоящему времени в восприятии этого текста. Правда, эти стереотипы нельзя рассматривать как явление исключительно негативное, ведь в них не только закреплено видение и понимание конкретного произведения той или иной

эпохой, но и аккумулирована часть истории и смысла самого текста. Роман «Отцы и дети» нередко и, подчеркнем, небезосновательно трактуется как книга, в которой отражен социально-исторический конфликт, возникший между отцами и детьми, либералами и демократами, дворянами и разночинцами, достигший своей остроты к началу 1860-х годов, подчеркивается и пристальное внимание Тургенева к судьбе русского дворянства, а также к будущему русской демократической мысли. Образ Базарова интерпретируется в свете борьбы идей и мировоззрений, как фигура непременно трагическая, явившаяся в России преждевременно и в тот момент не нужная. Все эти стратегии понимания тургеневского текста имеют под собой основания и во многом справедливы, но с единственной оговоркой: современного читателя роман Тургенева едва ли завораживает своей историко-культурной и социальной конкретикой, хотя «Отцы и дети» можно рассматривать как интереснейший источник нашего знания о том времени. Но все же сейчас очевидно, что магическое обаяние этого текста связано с чем-то другим. Это «другое» оказывается той самой важной гранью смысла тургеневского романа, вневременного и «злободневного» для любых эпох и поколений, что транслируется этим текстом в большом времени и небезосновательно выделяет его из всего творческого наследия писателя.

Непреходящая актуальность «Отцов и детей» заключается в том, что в этой книге обнаруживается важнейший закон «вечного примирения», или внутренней логика согласования любых противоречий — социальных, исторических, природных и проч. — без какого-либо противостественного их разрешения. В тургеневском романе, с присущей этому жанру всеохватностью, на разных уровнях и в разных сферах воссоздания быта и бытия действует единый для всех и вся механизм сцеплений разнородных и подчас противоречивых явлений и процессов, неизбежно пронизывающих индивидуальное пространство человека, общество, историю, природу. Эти сцепления разнородностей, соединение, казалось бы, несоединимых вещей, на самом деле, как показывает Тургенев, образуют основу жизни, а потому они универсальны для любой эпохи и едва ли не для любой культуры. Однако именно жизненный материал второй половины 1850-х — начала 1860-х годов, когда накал противоречий в русском обществе достиг критической отметки и предчувствовалось возможное катастрофическое развитие событий в будущем, позволил писателю так полно и беспрестанно представить свое художественное открытие, *ключевой смысл которого заключался в обнаружении единства и связей в том, что, казалось бы, разъединено и расколото безвозвратно.*

Тургенев в свое время привлекло натурфилософское наблюдение Гете из его «афористической статьи» под названием «Природа» («Die Natur», 1782 или 1783)¹. Тургенев процитирует их в соб-

ственном переводе в рецензии на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), а затем и в письме к самому автору «Записок...»², чтобы сформулировать свои взгляды на единство природной жизни: «Природа проводит бездны между всеми существами, и все они стремятся поглотить друг друга. Она всё разъединяет, чтобы все соединить...»³ [Тургенев 1980: 517]. Вслед за Гете Тургенев отмечает, что единство рождается как бы вопреки, из неизбежного «разъединения и раздробления» отдельных частей, что составляет неизменную ««открытую» тайну» «мировой жизни» и не перестает удивлять человека.

Соглашаясь с Гете, Тургенев, однако, лишь констатирует парадоксальность и загадочную необъяснимость факта *разъединения и соединения* всего, что существует в природе, хотя и вспоминает указанный Гете источник этой целостности. «Ее венец — любовь, — цитирует Тургенев немецкого поэта. — Только через любовь можно к ней (к природе. — И. Б.) приблизиться...» Но, анализируя книгу С. Т. Аксакова, Тургенев приходит к выводу, что вечная мудрость природы состоит как раз в том, что она никогда не предпочитает силы разъединяющие силам соединяющим и из всего разнородного *спокойно и равнодушно* рождает «общую, бесконечную гармонию» [Тургенев 1980: 517]. Любви там нет. И вопрос, «как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, всё живет только для себя, — как выходит именно та общая, бесконечная гармония» [Тургенев 1980: 517], так и остается для Тургенева открытым.

Диалектика *разъединений и соединений* Тургенева всегда волновала. В той или иной вариации он обращался к полубившимся ему натурфилософским идеям Гете в своих сочинениях — «Поездка в Польшу», «Призраки», «Довольно», во многих миниатюрах из «Стихотворений в прозе» и др. Можно даже сказать, что она скрытым лейтмотивом звучит у Тургенева во всех его сочинениях и может по-разному разрешаться художественно. Роман «Отцы и дети» — не исключение. Написанный почти десятью годами позже вышеупомянутой рецензии на книгу С. Т. Аксакова роман «Отцы и дети» правомерно рассматривать как художественно-философскую вариацию любимой тургеневской мысли о внутреннем единстве уже не столько самой природы, сколько жизни в целом и всех ее сфер, несмотря на действующие там силы разъединения.

В романе Тургенева определены опорные точки расхождений, неизбежных для современного человека и общества, но предложен и конкретный путь преодоления даже самых решительных противоречий, что, однако, не отменяет объективности и неизбежности его существования. Поле, на котором разворачивается эта закономерность жизни,

священник Тоблер. Гете считал это сочинение своим и публиковал в собрании своих работ [см.: Гете 1964: 497].

² Письмо к С. Т. Аксакову от 5 (17) февраля 1853 года.

³ Перевод «Природы» Гете в 1845 году осуществил А. И. Герцен. В современных изданиях философской прозы Гете публикуется именно он.

¹ Этот текст относится к числу «записанных за Гете». В 1780-е годы высказанные Гете мысли зафиксировал

стала российская действительность 1860-х годов. Философская умозрительность в романе справедливо обретает художественную плоть образа, а потому живую и понятную для читательского восприятия доступность. Главный герой — представитель *нигилистов*, или новых мировоззренчески и социально⁴ людей, в то же время обнаруживающий в себе универсальные свойства человека «нового времени» Фауста, как определял героя Гете Тургенев [см.: Беляева 2011: 254-278]. В центре извечного философского вопроса о возможности примирения крайних начал оказывается *современный человек* — его существование в мире представляет своего рода энергетическое поле, которое пронизано токами притяжений и отталкиваний.

И вот Тургенев интересуют механизмы противоречий и сцеплений, которые возникают внутри связей-отношений одного человека — с другим человеком, с его родными и близкими, с обществом, с социальной средой, с природой, с самим собой, наконец, а на вершине этой парадигмы и с Богом. И оказывается, что на всех этих уровнях действуют силы *разъединяющие* и *соединяющие*. В художественной картине мира «Отцов и детей» эта диалектика жизни, постоянные и неизбежные разъединения и соединения, художественно выражается по-разному, в том числе жестами *встреч* (объятия, рукопожатия, поцелуи и т.п.) и *не встреч* (нежелание обнять другого, подать руку, поцеловать и т.п.). Подобный диалектический принцип лежит в основе композиционной организации как романа в целом, так и отдельных его сцен, не говоря уже о структуре романного образа.

В «Отцах и детях» Тургенев подобных жестов — *встреч* (соединения) и *не встреч* (разъединения) много. В этой парадигме можно описать взаимоотношения Базарова и Фенечки, Базарова и Одинцовой, Аркадия и Кати, Николая Петровича и Фенечки, Павла Петровича и Фенечки, Павла Петровича и княгини Р. и др. По принципу *встречи* и *не встреч* организована система отношений всех *отцов и детей*, поскольку в роли первых могут выступать как реальные родители, так и те персонажи, которые самостоятельно возлагают на себя такую функцию-ответственность (Анна Сергеевна Одинцова по отношению к своей сестре Кате), или же чье «отцовство» или «сыновство» есть знак принадлежности к разным поколениям или мировоззрениям.

Но из всех многочисленных сцен *встреч* и *свиданий* мы бы выделили те, где родители встречают своих детей, причем делают они это чаще, чем провозжают. Позиция *встреч* оказывается сильнее. Роман открывается встречей *отца* Николая Петровича Кирсанова со своим *сыном* Аркадием, заканчивается — тоже «встречей»: *родители* Базарова приходят на могилу к *сыну*. Они молятся о нем и заботятся о

его жизни посмертной. Такая зеркальность композиционного решения, конечно, не случайна, она свидетельствует об особой значимости позиции *встречи / схождения* в изображенной Тургеневым диалектике жизни. Так отзывается в обычной повседневности человеческих дел, радостей и горестей основное положение немецкой философской мысли, где его очень трудно «опознать» в его чистом, спекулятивном звучании.

Тургенев тонко и глубоко проникает во внутренние токи *сближений* и *отталкиваний*. У него даже сама ситуация *встречи* таит в себе элементы расхождений и противоречий. Так, Николай Петрович, ожидающий Аркадия, кажется «встревоженнее своего сына», «робеет» и «теряется» перед ним, и не только потому, что долго его не видел или в чем-то виноват перед ним [Тургенев 1981 (2): 11], просто подспудно возникает какая-то дистанция — действует *разъединение*. А сын испытывает чувство «снихождительной нежности к доброму и мягкому отцу», которая, однако, смешана «с ощущением какого-то тайного превосходства» [Тургенев 1981 (2): 15]. Очевиден некий разлад внутри одной конкретной семьи. Но при первой встрече, что символично, отец сразу горячо обнимает и целует сына: «— Аркаша! Аркаша! — закричал Кирсанов, и побежал, и замахал руками... Несколько мгновений спустя его губы уже прильнули к безбородой, запыленной и загорелой щеке молодого кандидата» [Тургенев 1981 (2): 10]. И сын, в свою очередь, не отмахнулся от отца, хотя и испытывал некоторую неловкость ввиду присутствия Базарова, но «весело» ответил «на отцовские ласки». Базарову Николай Петрович «крепко стиснул его обнаженную красную руку, которую тот не сразу ему подал» [Тургенев 1981 (2): 11]. И это, безусловно, настораживающий знак «разъединения» и отдаленности молодого поколения от отцов. Таким образом, начальный эпизод романа — встреча Николая Петровича с сыном и с его другом — пронизана разнонаправленными силами: есть место как *разладу*, так и *соединению*.

Разъединение дает о себе знать в отношениях между представителем отцов Павлом Петровичем Кирсановым и Базаровым. Однако динамика общения героев с очевидностью выстраивается от памятного нерукопожатия при первой встрече — «Павел Петрович слегка наклонил свой гибкий стан и слегка улыбнулся, но руки не подал и даже положил ее обратно в карман» [Тургенев 1981 (2): 19] — до сложного для обоих рукопожатия в конце: «Узнав об отъезде Базарова, Павел Петрович пожелал его видеть и пожал ему руку» [Тургенев 1981 (2): 149]. И пусть этот жест расценивается Базаровым как желание со стороны Павла Петровича «повеликодушничать», хотя на самом деле он остается «холоден как лед» [Тургенев 1981 (2): 149], тем не менее какая-то непреодолимая ранее граница в итоге оказывается преодолена.

В этой связи показательной может быть и сама дуэль между Базаровым и Кирсановым-старшим — как знак крайней, кульминационной точки разлада, когда противники стоят друг против друга, но при этом сходятся / *соединяются* в поединке. Символи-

⁴ В недавней статье С. И. Кормилова убедительно доказывается, что Базаров, психологически и ментально ощущающий себя разночинцем, вовсе не принадлежит к этому сословию, а является дворянином [См.: Кормилов 2013]. Однако сам себя он не соотносит с дворянством, разночинство — это его образ жизни, мысли и поведения.

чески любая дуэль обнаруживает диалектику крайней разобщенности, полного разрыва, вплоть до сознательного желания дуэлянтами принять скорую смерть или убить своего врага, но в то же время подразумевает сближение⁵ и даже примирение (одна из обязанностей секундантов — предложить противникам мир до поединка). Но в русской литературной традиции дуэли редко заканчивались миром, во всяком случае, до тургеневских «Отцов и детей». У самого писателя есть повесть «Бретёр» (1847), где, казалось бы, ничто не подразумевало катастрофы, что случится между двумя очень непохожими приятелями (тоже диалектика). Надежда на примирение была, не случайно ведь бретер Лучков и добрый Кистер сблизились когда-то, но все завершается крайним разладом.

В «Отцах и детях» ситуация развивается иначе. Уже тот факт, что Павлу Петровичу приходит в голову мысль вызвать на дуэль Базарова, свидетельствует о желании представителей отцов начать оценивать свои с детьми взаимоотношения в одной системе координат. И тут даже не очень важно, дворянин Базаров или нет, хотя он именно дворянин и значит ничто не мешало Кирсанову-старшему требовать поединка. Изначально читателю трудно предположить, что герои сойдутся у барьера, поскольку для времени, когда разворачивается романное действие, сама дуэль представляется чем-то архаическим. Но, тем не менее, они сходятся — вот, по нашему мнению, одно из парадоксальных свидетельств действия сил *соединения*, которые проявляются в этой дуэли. Примечательно также, что Базаров как теоретик противоречит себе как практик во взгляде на дуэль и принимает вызов Павла Петровича даже несмотря на то, что умозрительно считает ее «нелепостью». А ведь это значит, что Базаров понимает и отчасти принимает мотивацию своего соперника. Причина поединка не так однозначна, как об этом говорит Павел Петрович Базарову: «Вы, на мой вкус, здесь лишний; я вас терпеть не могу, я вас презираю, и если вам этого не довольно...» [Тургенев 1981 (2): 140], поскольку тут замешена Фенечка, а глубинно и память о княгине Р., на которую первая похожа. Однако констатация Павлом Петровичем своей крайней ненависти к Базарову и одновременно желание поставить своего противника на одну планку с собой — сигнал, говорящий о *сближении*, поскольку уравнивает этих антагонистов у барьера. Даже выстрел и ранение Павла Петровича не означают разрыва, но оказываются чреватые расположением, участием недавних противников друг в друге, о чем говорит врачебная помощь Базарова раненому Кирсанову. В итоге дуэль заканчивается милосердным жестом со стороны Базарова, который был оценен Павлом Петровичем, и финальным рукопожатием обоих. Да и в целом эти два героя, как неодно-

кратно и убедительно писали исследователи, не столько далеки, сколько близки типологически⁶. Удивительный пример *единства крайностей* и *соединения*, казалось бы, непримиримых характеров.

Встречают и провожают своего сына старички Базаровы, столь далекие в психологическом и в человеческом смысле от своего сына, что у читателя может даже возникнуть вопрос, как у таких простых родителей может быть такой непростой сын. Уж скорее на ту роль — по масштабу личности — подходит бездетный Павел Петрович. Но глубокая *соединенность* родителей с сыном, вроде бы на первый взгляд и не очень близких друг другу, дает о себе знать при первом их свидании после долгой разлуки. Это происходит, несмотря на доводы народной мудрости, к которым прибегает Арина Власьевна, уверяющая себя и супруга в том, что «сын — отрезанный ломоть», что он как «сокол: захотел — прилетел, захотел — улетел» [Тургенев 1981 (2): 128].

Эмоциональное состояние отца Базарова при встрече с сыном передано значимой деталью: «чубук так и прыгал у него между пальцами». Отец не может преодолеть свое естественное родительское желание обнять сына, хотя и говорит об этом не без иронии и смущения: «Ну, вылезай, вылезай, почеломкаемся» [Тургенев 1981 (2): 106]. Материнская любовь Арины Власьевны также выражается естественным объятием: «“Енюшка, Енюша”, — раздался трепещущий женский голос. Дверь распахнулась, и на пороге показалась кругленькая, низенькая старушка в белом чепце и короткой пестрой кофточке. Она ахнула, пошатнулась и наверно бы упала, если бы Базаров не поддержал ее. Пухлые ее ручки мгновенно обвилились вокруг его шеи, голова прижалась к его груди, и всё замолкло. Только слышались ее прерывистые всхлипыванья» [Тургенев 1981 (2): 106]. Вот это движение к сыну, даже несмотря на внешнюю холодность и какую-то демонстративную разобщенность его с родителями — Базарову неуютно дома, ему все время хочется из него уехать, он не понимает жизни «старичков»: «они вот, мои родители то есть, заняты и не беспокоятся о собственном ничтожестве, оно им не смердит... а я... я чувствую только скуку да злость» [Тургенев 1981

⁵ «“Теперь сходитесь”. / Хладнокровно, / Еще не целя, два врага / Походкой твердой, тихо, ровно / Четыре перешли шага»: [Пушкин 1978: 114]. В этом отрывке из «Евгения Онегина» само *сближение* дуэлянтов означает одновременно противоположную крайность — *желание убить соперника*, отсюда холодность и видимое равнодушие.

⁶ Ср. наблюдения В. А. Недзвецкого, высказанные им в ряде последних работ по истории русской литературы 40-60-х годов XIX века, «курсах лекций» и статьях о Тургеневе: «И тут обнаружилось, что непримиримость миропонимания Павла Кирсанова и Базарова («Впрочем, — заявлял перед поединком первый из них, — мы друг друга понять не можем; я по крайней мере не имею чести вас понимать») не мешает им сближаться и объединяться психологически — в качестве *личностей*»; «О прошлом вспоминать незачем», — считает со своей стороны и Базаров, как бы констатируя этим объективное типологическое сродство с Кирсановым-старшим, которое выявилось былым оппонентам в результате дуэли»; «Так центральные мужские персонажи “Отцов и детей”, противники-антиподы в пределах конфликта преходящего, оказывались — с завершением их коллизии с мирозданием — людьми, в сущности, наиболее друг другу близкими — собратьями по судьбе» [Недзвецкий 2008: 110, 111].

(2): 119] — возможно, изначально предопределяет его небесследное, если так можно сказать, исчезновение по окончании земного пути. Базаров и в смерти не уходит в пустоту, а в «жизнь бесконечную» [Тургенев 1981 (2): 188] во многом потому, что его родители своей любовью и слезами отмаливают его у пустозвенящей вечности. Да и разобщенность его с родителями едва ли не нечто напускное. Изначальная эмоциональная скупость Базарова по отношению к родителям оборачивается щемящей любовью и заботой в крайней (эсхатологической) для всех ситуации, ввиду встречи со смертью, которая и обнажает истинное положение дел. О матери он скажет: «Бедная! Кого-то она будет кормить теперь своим удивительным борщом?» — и попросит, чтобы Арина Власьевна причесала его волосы и поцелует у нее руку [Тургенев 1981 (2): 178, 179]. Это простое желание почувствовать руки и любовь матери есть не что иное как очевидный жест движения сына к отцам в широком смысле слова, жест *соединения*. К просьбам отца о причащении Базаров отнесется на удивление бережно, хотя как нигилист он отрицает «всё», значит и существование Бога. Он не отказывается, но лишь откладывает важный и скорбный обряд. Да и в целом знаменитый диалог между старшим и младшим Базаровыми: «... сын мой, дорогой мой, милый сын! ... — Что, мой отец?» [Тургенев 1981 (2): 180], — напоминает читателю о другой вечной ситуации. Есть *высшее единство* Отца и Сына — «... и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына...» [Матф., II: 27], и есть неизбежная Голгофа последнего, которая открыла миру любовь Отца, которой он возлюбил Сына и всех своих чад. В Гефсиманской молитве Христос обращается к Отцу: «И Я открыл им имя твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил меня, в них будет, и Я в них» [Иоан., XVII: 26].

Предшествующий «Отцам и детям» роман «Накануне» начинается с беседы двух молодых людей о «разъединяющих» и «соединяющих словах». К числу последних у Тургенева относятся: «искусство, родина, наука, свобода, справедливость». И любовь. Правда, любовь способна и *разъединять*, когда она сопряжена наслаждению, как резонно полагает один из героев этого романа, художник Шубин, но и *соединять*, когда в ней есть жертвенность и желание «поставить себя номером вторым», как подчеркивает философ Берсенева. Однако это умозрительное разделение двух крайних начал любви, по верному замечанию Шубина, плохо уживается в русском человеке. Сам он не хочет думать о соединяющей «любви-жертве» и жаждет только «любви-наслаждения». Первое, как скажет он, «хорошо для немцев» [Тургенев 1981 (1): 167]. Однако Тургенева-художника интересует и то, и другое — он ищет возможность их высшего *соединения*.

В «Отцах и детях» именно в любви наиболее полно и явственно обнаруживают себя силы *разъединения* и *соединения*, что организуют человеческое пространство, связи человека с миром. Любовь оказывается той энергией отталкивания и сближения, что порождает любое развитие и оберегает от

разрушения. Но это не та всесильная и одновременно холодно равнодушная сила любви из рассуждений Гете-натурфилософа, которого цитировал когда-то Тургенев в своих письмах и статьях. Она у Тургенева вмещает в себя то, чего нет и не может быть в одной природе, но что отличает мир человеческий с его душевной и сердечной симпатией, предопределенной божественным Промыслом, поскольку люди хотя и *не ангелы, но и не звери*. Как верно отметила Г. Б. Курляндская, «... “отцы” и “дети” имеют отношение к одному и тому же источнику — своему божественному происхождению — и те и другие созданы по образу и подобию Божьему» [Курляндская 2007: 18]. Поэтому и *отечески-сыновние связи* обусловлены Богоподобной природой человека.

В любви между мужчиной и женщиной, которую много изучал Тургенев-художник в 1850-е годы, неизбежно дает о себе знать ее *природная* хрупкость, онтологическая временность, стихийность, *трагическая неизбежность разъединения любящих* — таковы синонимичные истории любви Павла Петровича Кирсанова и княгини Р., Базарова и Одинцовой. Внутренний разлад сил *разъединения* сказывается и в отношениях Аркадия и Кати, Николая Петровича и Фенечки, даже старичков Базаровых. Но на этом все не замыкается, поскольку *разъединение* у Тургенева переходит в *единение* и гармонию, не бездушную, молчаливую и безучастную к человеку *гармонию одной природы*, как, например, в «Записках охотника» или в «Поездке в Полесье», но гармонию самой человеческой жизни, основывающейся на любви человеческой — всех ко всем, — несмотря на различия и разногласия.

Действие любви — *отталкивание* и *притяжение* — ощутимо во всех сферах человеческого бытия: от любви между мужчиной и женщиной до внутрисемейных и даже общественных отношений. Поэтому не так уж неразрешим сам конфликт между дворянами и разночинцами, например, или «нигилистами» и «гегелистами», как скажет о своих сверстниках Павел Петрович. Диалектика любви и ее разделяюще-соединяющее поле особенно явственно высказывается в тургеневском романе в отношениях между *отцами* и *детьми*.

Само название романа — своего рода «формула», в которой исследователи справедливо усматривают мифологему «отца и сына»⁷, — читателем обязательно ощущается не только как противостояние поколений (на одном полюсе *отцы*, на другом — *дети*), но и как их соединение, восходящее в своей

⁷ Ср. размышление Е. Ю. Полтавец: «Не будем понимать название романа только как указание на оппозицию: “люди 40-х годов” и “шестидесятники” или даже на “всеглашней” конфликт поколений. “Отцы и дети” как формула даже шире “эдипального” смысла смены поколений, т. к. универсальный характер противостояния старого и нового дополняется здесь вопросом о том, кто же предписал этот закон противостояния, другими словами, вопросом о том, каковы же взаимоотношения тварного мира и Творца, т. е. всеобщего Отца. При этом для мифологического сознания “отцами” будут боги, как, например, Зевс — отец многочисленных героев...» [Полтавец 2009: 60].

высшей точке к единению Отца и Сына⁸. Отношения *отцов* и *детей*, даже в случае если они отрицают друг друга, все равно сказываются любовью, в которой есть место и непониманию, и противоречиям, но и — обязательно — пониманию и в конечном счете *примирению*.

Однако тургеневский роман свидетельствует еще и о другом, очень важном в социальном и духовном смысле аспекте этого примирения. Он говорит читателю о том, что большая ответственность для осуществления *встречи* двух поколений ложится на *отцов*. Они в большей мере, чем дети, ответственны за понимание и согласие. Можно сказать, что в «Отцах и детях» мы наблюдаем за тем, как художественно развиваются те мотивы, которые были обозначены в прощальном монологе Лаврецкого. Герой «Дворянского гнезда» не только подводил итог своей «беспольной жизни» и приветствовал «одинокую старость», но и благословлял молодое поколение: «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы, — думал он, и не было горечи в его думах, — жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть — и сколько из нас не уцелело! — а вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами» [Тургенев 1981 (1): 158]. Благословение *отцов* нужно детям — оно залог их будущего; молитва о *детях* — основа их личной и всеобщей гармонии. *Отцы* должны принимать *детей* — отрицателей, нигилистов, даже если те «грубы», «бессердечны», «безжалостно сухи» и «резки». Несмотря на все эти недостатки и вопреки им, как полагал Тургенев, читатель «должен полюбить» и одного из таких *детей* — Базарова. Об этом он дважды в апреле 1862 года писал К. К. Случевскому и А. И. Герцену, с разницей всего в два дня — столь важна была для него эта мысль. А вину, в случае если читатель (вариация *отцов*) не полюбит его героя, Тургенев оставлял за собой: значит «я виноват и не достиг своей цели», «не сумел сладить с избранным мною типом» [Тургенев 1988: 59, 50].

Это чувство читательской любви к герою — и, надо предположить, что и писательской, поскольку Тургенев высказывался об этом прямо, хотя и не без иронии: «чувствовал к нему “влечение, род недуга”» [Тургенев 1988: 50], — предполагает неприятие вышеперечисленных черт: грубости, резкости и проч., но одновременно и приятие *через них* «страстного, грешного, бунтующего», «великого сердца», которое увидел в Базарове Ф. М. Достоевский [см.: Баттюто 2004: 85-104].

Любовь к Базарову, этому отрицателю всего и потому вроде бы человеку, настроенному на разрушение и разъединение, эта любовь к герою, которая в итоге должна захватить читателя, в финале романа объединяет многих, если не сказать всех. Как акт

милосердия и жертвенного сострадания можно расценить приезд Анны Сергеевны Одинцовой к умирающему Базарову; в память о Базарове поднимают свои бокалы Катя и Аркадий; о высшем значении отцовской любви свидетельствуют слезы и молитвы родителей Базарова на могиле сына. И на самом деле едва ли не все персонажи романа меняются ввиду того, что в их жизни была *встреча* с Базаровым.

И тут уже не столько побеждает сила жизни, возвышаясь своим величием и мощью над человеком и всем человеческим, как полагал Н. Н. Страхов — «как бы то ни было, Базаров все-таки побежден; побежден не лицами и не случайностями жизни, но самую идею этой жизни»⁹, — сколько и сам оказывается победителем, поскольку любовь, которой любит он и любят его, доказывает прочность *отечески-сыновних связей*, что обусловлены Богоподобной природой человека, неотъемлемой частью которых Базаров и является. Поэтому «Отцы и дети» — это не столько повествование о бессмысленном бунте фаустовской природы против природного порядка вещей, или книга о вызове обществу, в котором тесно существовать сильной и яркой личности, и даже не художественное изучение вечного дуализма (диалектики) жизни, заключающего в себе что-то непоправимо трагическое. «Отцы и дети» — это роман о любви человеческой как о первооснове бытия, где в самом *разъединении* личности в социуме и природе, которое чревато *трагическим одиночеством*, сказывается и естественное (не в натурфилософском, а духовном смысле) стремление любить всех, быть в единстве со всеми и со всем. И на этом стоит мир.

Это роман о соединении разнородного пространства человеческого мира в единое целое, о красоте человеческих отношений, причем независимо от личного масштаба того, кто любит. Любовь в этом романе коснулась всех, у любви нет иерархий и нет предпочтений. И потому даже герои маленького человеческого содержания вовлечены в этот общий «текст» человеческой любви с ее Богоприродными истоками. Тут мы решительно не согласимся с тем, что «уровни человечности» [см.: Маркович 1975], которым соответствуют разные персонажи тургеневских романов, в том числе «Отцов и детей», проводят между ними непреодолимые границы. Трудно согласиться и с утверждением современного исследователя о том, что «в системе персонажей произведения хозяева Марьина, Никольского и старики Базаровы в свой черед объединяются в группу, не социально, а психологически и нравственно, т. е. на собственно человеческом уровне, объективно противостоящую Базарову и Павлу Кирсанову» и что «в <...> конечной группировке действующих лиц “Отцов и детей” отразился и воплотился <...> “философский конфликт тургеневского творчества: противостояние “обоготворенной” личности <...> безликому, всеобщему целому» [Недзвецкий 2008: 114].

⁸ Противоположная трактовка о вероятной полемике романа с идеей единственности Отца и Сына, закрепленной в Символе веры, представлена в той же работе Е. Ю. Полтавец [Там же: 70-71].

⁹ Под жизнью, стоящей *выше* тургеневского Базарова, Н. Н. Страхов понимал «обаяние природы, прелесть искусства, женскую любовь, любовь семейную, любовь родительскую, даже религию» [Страхов 2003].

Нет, иерархичность персонажей «Отцов и детей» — явление скорее типологическое, чем ценностное в художественном мире Тургенева. Не случайно писатель понимает, а значит и принимает в романе любого, кого коснулся ответ любви. Как он когда-то писал о Маргарите из «Фауста» Гете, что она, благодаря любви и страданию, оказывается много «выше» и значительней мудреца Фауста [Тургенев 1978: 214], так и в его романе все персонажи, независимо от их личностного масштаба, равны, потому что любят. Не случайно даже тот вариант семейного союза и любовного чувства, которые воплотились в истории Фенечки и Николая Петровича, Тургенев не стал освещать саркастически и подчеркивать в нем приметы пошлости, как он это делал, например, в 1840-е годы в своих стихотворных новеллах. Теперь его современная Гретхен — состоявшаяся молодая мать, и именно поэтому «права» [Тургенев 1981 (2): 42] и, продолжили бы мы, «обоготворена». Фенечка-Гретхен не погибает сама и не становится причиной смерти близких и своего ребенка — она мать, жена и излучает жизнь. Едва ли можно упрекнуть в «близкости» и родителей Базарова. И пусть они не умудрены во многих знаниях, личностный масштаб их в полной мере явлен в той поистине могущественной отеческой и материнской преданной любви к сыну, которая разлита в эпилоге.

В итоге все персонажи, несмотря на разномасштабность, оказываются родственны и близки, потому что каждый в своей мере и в своей доле, любит и соединяет себя с миром любовью.

«Вечное примирение» в мире природы предполагает ее *спокойное «равнодушие»*, но в сфере человеческой, как показано в романе, все происходит иначе. Очевидные реминисценции из евангельского текста о птицах небесных и лилиях долины как знаках райского бытия¹⁰, молитвы и слезы *отцов* как свидетельство живого, сердечного *неравнодушия*, что завершают роман Тургенева, обуславливают в конечном счете и надежду на «жизнь бесконечную» [Тургенев 1981 (2): 188].

Картина мира, представленная в «Отцах и детях», обнаруживает *выход за пределы неизбежной катастрофичности*. В основе гармонизации мира, когда из хаоса всех противоречий собирается космос содружества всего и вся, лежит сама природа человеческого сердца и та любовь, что в разной мере открыта каждому. Диалектика жизненных противоречий синтезируется любовью, а в ее основе лежит отеческая — в широком смысле этого слова — забота, попечение о детях, молитва за них и благословление, невзирая на то, плохи они или хороши. Но и дети в итоге испытывают отеческую и сыновнюю (в их неизменном единстве) любовь к родителям, к отечеству и дому. В этой связи примечательно само

¹⁰ «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их»; «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» [Мф. 6: 26, 28-29].

посвящение романа «Отцы и дети» памяти Виссариона Григорьевича Белинского, которого Тургенев считал своим *отцом* на ниве эстетической и всегда относился к нему с сыновней любовью. В целом Тургенев предложил читателю мифологическую историю, т. е. неизменно повторяющуюся, со всякой сменой поколений, исторических эпох, цивилизаций, культур и традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Батюто А. И. Избранные труды. — СПб.: Нестор-История, 2004. — 960 с.

Беляева И. А. Генезис русского классического романа («Божественная Комедия» Данте и «Фауст» Гете как истоки жанра): учебное пособие. Ч. I. — М.: МГПУ, 2011. — 280 с.

Гете И.-В. Избранные философские произведения. — М.: Наука, 1964. — 520 с.

Кормилов С. И. Базаров — не разночинец! // И. С. Тургенев: русская и национальные литературы: материалы межд. научно-практич. конференции 26-28 окт. 2013 г. — Ереван: Лусабац, 2013. — С. 389-400.

Маркович В. М. Человек в романах Тургенева. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. — 154 с.

Недзвецкий В. А. И. С. Тургенев: Логика Творчества и менталитет героя: Курс лекций. — М.: Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. — 230 с.

Полтавец Е. Ю. «Отец» и «дети» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: к вопросу о смысле названия // Тургеневские чтения. Вып. 4. — М.: Русский путь, 2009. — С. 56-78.

Пушкин А. С. Полн. собр. сочинений: в 10 т. Т. 5 — Л.: Наука, 1978. — 527 с.

Страхов Н. Н. И. С. Тургенев. «Отцы и дети» [Электронный ресурс] // Критика 60-х гг. XIX века. — М.: Астрель; АСТ, 2003. — Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0050.shtml (дата обращения: 21.07.2017).

Трофимова Т. Б. (1) Дантовские реминисценции в повести И. С. Тургенева «Фауст» // Спасский вестник. — 2004. — Вып. 11. — С. 58-64.

Трофимова Т. Б. (2) Тургенев и Данте (К постановке проблемы) // Русская литература. — 2004. — № 2. — С. 169-182.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 5. — М.: Наука, 1988. — 640 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 1. — М.: Наука, 1978. — 574 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. — М.: Наука, 1980. — 687 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 6. — М.: Наука, 1981 (1). — 395 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 7. — М.: Наука, 1981 (2). — 559 с.

REFERENCES

Batyuto A. I. Izbrannyye trudy. — SPb.: Nestor-Istoriya, 2004. — 960 s.

Belyaeva I. A. Genezis russkogo klassicheskogo romana («Bozhestvennaya Komediya» Dante i «Faust» Gete kak istoki zhanra): uchebnoe posobie. Ch. I. — M.: MGPU, 2011. — 280 s.

Gete I.-V. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya. — M.: Nauka, 1964. — 520 s.

Kormilov S. I. Bazarov — ne raznochinets! // I. S. Turgenev: russkaya i natsional'nye literatury: materialy mezhd. nauchno-praktich. konferentsii 26 28 okt. 2013 g. — Erevan: Lusabats, 2013. — S. 389-400.

Markovich V. M. Chelovek v romanakh Turgeneva. — L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1975. — 154 s.

Nedzvetkiy V. A. I. S. Turgenev: Logika Tvorchestva i

mentalitet geroya: Kurs lektsiy. — M.: Mos. gos. un-t im. M.V. Lomonosova; Sterlitamak: Sterlitamak. gos. ped. akademiya, 2008. — 230 s.

Poltavets E. Yu. «Otetsy i «deti» v romane I. S. Turgeneva «Ottsy i deti»: k voprosu o smysle nazvaniya // Turgenevskie chteniya. Vyp. 4. — M.: Russkiy put', 2009. — S. 56-78.

Pushkin A. S. Poln. sobr. sochineniy: v 10 t. T. 5 — L.: Nauka, 1978. — 527 s.

Strakhov N. N. I. S. Turgenev. «Ottsy i deti» [Elektronnyy resurs] // Kritika 60-kh gg. XIX veka. — M.: Astrel'; AST, 2003. — Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0050.shtml (data obrashche-niya: 21.07.2017).

Trofimova T. B. (1) Dantovskie reministsentsii v povesti

I. S. Turgeneva «Faust» // Spasskiy vestnik. — 2004. — Vyp. 11. — S. 58-64.

Trofimova T. B. (2) Turgenev i Dante (K postanovke prob-lemy) // Russkaya literatura. — 2004. — № 2. — S. 169-182.

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. T. 5. — M.: Nauka, 1988. — 640 s.

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. So-chineniya: v 12 t. T. 1. — M.: Nauka, 1978. — 574 s.

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. So-chineniya: v 12 t. T. 4. — M.: Nauka, 1980. — 687 s.

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. So-chineniya: v 12 t. T. 6. — M.: Nauka, 1981 (1). — 395 s.

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. So-chineniya: v 12 t. T. 7. — M.: Nauka, 1981 (2). — 559 s.

Данные об авторе

Ирина Анатольевна Беляева — доктор филологических наук, профессор, профессор Московского город-ского педагогического университета, профессор филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва).

Адрес: 129226, Россия, г. Москва, пр-д 2-й Сельскохозяйственный, 4, стр. 1.

E-mail: belyaeva-i@mail.ru.

About the author

Irina Anatolievna Belyaeva — Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Moscow City University, Philo-logical Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow).